

УДК 947.8

**ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СССР (1940-е- 1960-е гг.)
В ТРУДАХ ЭМИГРАНТСКИХ И СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ***А. В. Горбатов***STATE AND RELIGION SOCIETIES IN USSR (1940-1960) IN EMIGRANT
AND SOVIET SCOLARY WORKS***A. V. Gorbatov*

Статья посвящена историографии проблемы взаимоотношения государства и религиозных организаций в России (1940-е – 1960-е гг.) в трудах эмигрантских и советских исследователей. Рассмотрены следующие вопросы: труды эмигрантских историков (ИМКА-Пресс), политика советского государства в сфере государственно-конфессиональных отношений в советской историографии.

The article is devoted to historiography problems of state-religion societies relations in Russia (1940 – 1960) in emigrant and soviet scholarly works. The following questions are considered: scholarly works of emigrants (YMCA-Press), policy of Soviet government in the sphere of state-religion relations in soviet historiography.

Ключевые слова: историография, государственно-конфессиональные отношения в СССР.

Keywords: historiography, state-religion relations in Russia.

В последние десятилетия вопросы взаимоотношений государства и религиозных организаций в России занимают все большее место в работах ведущих отечественных историков, религиоведов, политологов, религиозных исследователей [30].

Первыми русскими исследователями, обратившимися к церковной политике Советского государства в послевоенный период, стали представители русской эмиграции. Особую роль здесь сыграла деятельность Вестника РСХД (Русского студенческого христианского движения за рубежом), на страницах которого выступали известные представители русской религиозно-философской мысли, историки, священнослужители: А. В. Карташев, Н. А. Струве, протоиерей Д. Константинов, епископ Сильвестр, Аркадьев и др.

Еще до событий 1917 г. среди русского студенчества (в Петербурге, Москве и Киеве) по аналогии с движением на Западе возникли кружки для изучения Евангелия. В эмиграции, согласно данным протоиерея Василия Зеньковского, движение первоначально имело два различных начала. Сначала в Белграде в середине 1921 г. возник кружок, который с самого начала имел ярко выраженный православный характер. Почти одновременно по инициативе Всемирной студенческой Христианской Федерации и YMCA ("Христианская ассоциация молодых людей" (Young Men's Christian Association)) организуются кружки в Эстонии, Латвии, Берлине, Праге и Софии, которые в работе своей придерживались «интерконфессионального» метода. На первом общем съезде всех русских студенческих кружков в Западной Европе, который состоялся в Пшерове (Чехия) в сентябре 1923 г., без всяких осложнений восторжествовала позиция Белградского кружка [9, с. 4 – 5], председателем Движения был избран В. В. Зеньковский.

Присутствие на съездах РСХД ряда профессоров, представителей русской религиозно-философской мысли (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, Н. И. Новгородцев, С. А. Франк, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Г. П. Федотов) связало Движение с богатой русской научно-философской традицией. Основными задачами

Движения являлись развитие миссионерства, объединение молодежи, уже живущей верой, и содействие развитию церковного сознания [9, с. 5, 11]. Однако с началом первых атак государства на Церковь в послевоенный период изменяется вектор направления деятельности издания. Вестник начал издаваться с января 1949 г. в Мюнхене. С 31 номера 1954 г. ежемесячник начал регулярно осведомлять читателей о положении Православной Церкви в СССР, в том числе перепечатывая публикации журнала Московской патриархии, Комсомольской правды и других советских изданий. В Вестнике появляется специальный раздел «Церковь в Советской России».

Историк Н. А. Струве на страницах вестника в 1962 г. так писал о современных задачах издания: «Наш долг – как можно громче говорить о новой полосе гонений на церковь и религию в Советской России» [28, с. 29].

Объединяющей, сквозной характеристикой всех публикаций авторов издания являлась их незыблемая церковность. На страницах ежемесячника немало проповедей и церковно-катехизических бесед. Присутствуют нападки и на Московскую патриархию. Вместе с тем именно в этом издании появляются первые попытки обобщить результаты, касающиеся государственной церковной политики. Так, Н. А. Струве, одним из первых, уже в 1961 г. попытался вычленить основные направления «хрущевской атаки» 1958 – 1960 гг. на РПЦ: давление на духовенство; закрытие церквей, монастырей и духовных школ; меры, принятые против мирян [26, с. 28 – 33].

В этом же году историк рассматривает состояние антирелигиозной пропаганды в СССР. Автор, выделяя основные методы антирелигиозной пропаганды, приходит, на наш взгляд, к совершенно справедливому выводу, что, «несмотря на все усилия агитаторов, она остается малоэффективной, в чем, впрочем, они сами часто признаются» [27, с. 38].

В первом номере 1962 г. Н. Струве анализирует и подвергает критике решения Архиерейского Собора 1961 года о разграничении обязанностей настоятелей и исполнительных органов мирян. Историк указывал на очевидно «советский стиль» прове-

дения мероприятия. Несмотря на то, что программа состояла из четырех существенных пунктов, собор продлился всего один день. «По каждому вопросу было несколько выступлений, которые все склонялись в одну сторону, сторону утверждения постановления Священного Синода. Ни одного возражения, ни одного уточнения или дополнения к предложенным резолюциям не раздалось в патриарших покоях...» [28, с. 24 – 27].

Протоиерей Д. Константинов в 1965 г. подводит итоги гонений на Церковь, при этом выделяет причины, побудившие государство начать наступление на Церковь в послевоенный период. Важнейшие из них:

- резкое увеличение количества храмов и молитвенных домов;
- рост авторитета и влияние Церкви в народе. Начавшийся диалог между религией и безбожием в итоге, считает автор, продемонстрировал духовное и идейное преимущество Церкви;
- работа вновь открытых духовных академий показала тягу части советской молодежи к религии, т. е. отход от официальной социалистической идеологии.

Вслед за Н. Струве, Д. Константинов предложил свой список «линий преследования» государством Церкви и религии, выделив уже десять направлений:

- 1) закрытие церквей, молитвенных домов и монастырей;
- 2) сокращение до минимума подготовки священников;
- 3) запрет миссионерства;
- 4) запрет на совершение богослужений и проведение молитвы вне храма и заупокойных служб на кладбищах;
- 5) совершение церковных треб при обязательной регистрации;
- 6) запрет на благотворительную деятельность;
- 7) гонения на родителей, воспитывающих детей в религиозном духе;
- 8) репрессии епископов, священников и верующих;
- 9) усиление «до предела» антирелигиозной пропаганды [14, с. 16 – 18].

Положения, изложенные Д. Константиновым на страницах Вестника, были развиты в последующих монографиях [15].

Как видно, авторы издания оперативно и активно реагировали на происходящие в России события, связанные с религиозной жизнью. Так, редакция месячника в 1966 г. публикует первый систематизированный опыт алгоритма закрытия церквей свидетеля этих событий – религиозного правозащитника Бориса Талантова [2, с. 29 – 64].

Таким образом, мы видим, что основные тенденции будущего направления в современной историографии – «государственно-конфессиональные отношения» – были заложены отечественными исследователями-эмигрантами еще в 1960-х годах.

Что касается советских историков, то практически во всех исследованиях советского времени религиозные организации рассматривались в качестве

реакционной силы, препятствующей прогрессивной политике государства по построению социалистического общества. Такая постановка вопроса вела, с одной стороны, к предельной идеологизации проблемы, с другой – сосредоточивала внимание исследователей на деятельности религиозных институтов и их реакции на политику советского правительства в отношении тех или иных конфессий. Эта деятельность неизменно оценивалась как исключительно отрицательная. Практически замалчивалась их активная патриотическая деятельность во время войны, вклад в миротворческое движение и обеспечение сохранности культурно-исторического наследия. Менее всего говорилось об ошибках и просчетах в политике государства по отношению к религиозным организациям. Наиболее востребованной темой соответственно являлась контрреволюционная деятельность церкви и «сектантов» в периоды Октябрьской революции и Гражданской войны, индустриализации и коллективизации.

Другое популярное направление среди ученых-религиоведов (историков и философов) – атеистическая работа партии и комсомола среди верующих и населения. Неизменными постулатами советского религиоведения оставались утверждения об имманентно присущей религии реакционности и об изживании религиозных взглядов и суеверий в ходе социалистического строительства. В то же время всегда подчеркивалось, что никаких религиозных гонений в СССР не было и нет, а существующее государственное устройство предполагает «исключительно благоприятные условия для окончательного преодоления религиозных взглядов и суеверий» [см., например, 25, 23, 22].

И без того непростые отношения между властью и религиозными организациями осложнялись валом откровенно антирелигиозных публикаций, в том числе и научных. Только за 1960 – 66 гг. было защищено более 60 диссертаций по научному атеизму [16]. Общий уровень этих работ определялся как односторонностью освещения проблемы, так и тенденциозным подбором источников (в основном официальные советские документы и публикации в печати).

Причины такого подхода кроются в идеологических установках правящей партии на построение «бесклассового и безрелигиозного общества», в догматизме и идеологической зашоренности КПСС. Вплоть до «перестройки» непререкаемыми в среде идеологического аппарата оставались известные формулировки «основоположников» о религии как «опиуме и духовной сивухе» для народа.

В то же время к концу 1970-х годов намечается отход от «антирелигиозных догм» до рассмотрения религиозной деятельности с использованием научных методов, основанных на конкретном историческом анализе. Пересматриваются многие положения, касающиеся деятельности современных конфессий, т. н. «сектантства». Отметим труды таких авторов, как В. И. Гараджа, А. И. Клибанов, Л. Н. Митрохин, А. Т. Москаленко, А. И. Демьянов и др. [10, 11, 4, 19, 21, 8]. При сохранении общего

критического настроения по отношению к религиозным организациям, характерного для советского религиоведения, ряд их положений и выводов все еще представляет определенный научный интерес.

В связи с подготовкой и принятием новой Конституции в СССР в религиоведении произошла определенная активизация в разработке проблемы свободы совести и положения религиозных организаций [1, 3, 17]. В освещении вопросов истории отношений государства и религиозных организаций литература данного периода руководствовалась, прежде всего, соображениями идеологического характера и не внесла ничего нового по сравнению с предшествующим временем. Лишь работы Г. Р. Гольст, Ю. А. Розенбаума, В. В. Ключкова, разумеется, с узкоклассовых позиций, подвергают анализу юридический статус религиозных организаций в СССР, рассматривают эволюцию правовых основ отношений государства и Церкви, механизм государственного контроля за соблюдением законодательства о свободе совести и другие правовые вопросы [5, 12, 13, 24].

Общественным наукам в целом и «научному атеизму» в том числе присущи были методологические недостатки. Ведущим принципом было обоснование «преимуществ» социалистического понимания принципа свободы совести перед буржуазным, преобладала апологетически-комментаторская направленность, догматизм подходов и трафаретность выводов.

Отдельно государственно-конфессиональные отношения периода середины 1940-х – 1980-х гг. советскими исследователями не рассматривались. Главное внимание религиоведами вплоть до конца 1980-х гг. уделялось вопросам атеистического воспитания и деятельности «реакционного сектантства». Деятельность религиозных организаций, прежде всего Русской Православной Церкви, рассматривалась в аспекте их приспособляемости к новым социальным условиям.

Интересующий нас послевоенный период в публикациях характеризуется схематично и довольно односторонне. В 1941 – 1945 гг. религиозные организации (РПЦ) принимают ряд мер по укреплению своих позиций, используя вызванное войной оживление религиозных чувств у части советских людей и имевшее тогда место некоторое отступление от ленинских принципов в отношении к религии. Государство, позитивно оценив патриотическую позицию церкви, предоставляет ей ряд юридических и экономических прав. В послевоенное время большинство религиозных организаций, за исключением «реакционных сектантов», встают на лояльные позиции по отношению к государству и социалистическому строю. Со второй половины 1950-х гг. (прежде всего это касается РПЦ) начинается этап модернизации (процесс «приспособляемости») церкви [см., например, 6, 7, 18, 20, 29]. Факты волюнтаристской политики в отношении к религии, церкви и верующим конца 1950-х – середины 1960-х годов, конечно, не упоминались.

Анализ исследований 1960-х – 1980-х гг. по данной проблеме приводит к выводу о фрагментарности и бессистемности в освещении интересующего нас периода. Более того, непосредственно религиозная политика советского государства практически не являлась предметом исследования. Причины этого заключаются в следующем.

Во-первых, главенствующая идеологическая установка на то, что «в СССР верующие не преследуются», вынуждала авторов исследования стараться избегать конкретных вопросов, касающихся вероисповедной политики.

Во-вторых, послевоенный период в истории отношений государства и религии не так богат событиями, какими были 1920 – 30-е гг. XX века. Уже не было того жесткого противостояния между двумя противоборствующими лагерями, которое бы наглядно иллюстрировало реакционность ведущих конфессий (РПЦ, буддизм, ислам, баптизм). Исследователи исходили из действующей в то время научной практики – представлять религиозные организации обязательно в критическом аспекте. При таком подходе подбор фактического материала часто происходил тенденциозно. Необходимо было подтвердить «реакционный характер» деятельности конфессий, потому наибольшее количество публикаций посвящено т. н. «сектантству», наиболее активному в отстаивании своих прав в исследуемый период.

В-третьих, серьезным препятствием для плодотворного развития исследований по истории государственно-конфессиональных отношений в СССР была ограниченность источниковедческой базы, так как основной массив документов находился в спецхранах и спецфондах (под грифами «секретно» или «совершенно секретно»), и был недоступен для большинства историков.

В-четвертых, определенная «абберрация близости», мешающая адекватно осмысливать относительно недавно происшедшие события, процессы и явления.

Литература

1. Барменков, А. И. Свобода совести в СССР / А. И. Барменков. – М., 1979.
2. Бедственное положение Православной Церкви в Кировской области и роль Московской патриархии (из открытого письма Бориса Талантова от 10.11.1966 г.) // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 83, I. – 1967.
3. Варичев, Е. С. Православная церковь. История и социальная сущность / Е. С. Варичев. – М., 1982.
4. Гараджа, В. И. Протестантизм / В. И. Гараджа. – М., 1971.
5. Гольст, Г. Р. Религия и закон / Г. Р. Гольст. – М., 1975.
6. Гордиенко, Н. С. Современное православие / Н. С. Гордиенко. – М., 1968.
7. Гордиенко, Н. С. Эволюция русского православия (20-е – 80-е годы XX столетия) / Н. С. Гордиенко. – М., 1984.

8. Демьянов, А. И. Истинно православное христианство / А. И. Демьянов. – Воронеж, 1977.
9. Зеньковский, В. Русское студенческое христианское движение / В. Зеньковский // Вестник РСХД в Германии. – Мюнхен. – 1949.
10. Клибанов, А. И. Религиозное сектанство и современность / А. И. Клибанов. – М., 1969.
11. Клибанов, А. И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. – М., 1973.
12. Клочков, В. В. Религия, государство, право / В. В. Клочков. – М.: Мысль, 1978.
13. Клочков, В. В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В. В. Клочков. – М., 1982.
14. Константинов, Д. Итоги гонений на Православную Церковь в СССР / Д. Константинов // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 77, I. I. – 1965.
15. Константинов, Д. Гонимая Церковь: Русская Православная Церковь в СССР. – Нью-Йорк, 1967; Зарницы духовного возрождения: Русская Православная Церковь в СССР в конце 60-х и начале 70-х гг. – Лондон, 1973.
16. Костенко, Н. А. Реакционная сущность идеологии и деятельности протестантских сект в Сибири: автореф. дис. ...канд. филос. наук / Н. А. Костенко. – Томск, 1967.
17. Куроедов, В. А. Религия и церковь в Советском государстве / В. А. Куроедов. – М., 1981.
18. Курочкин, П. К. Эволюция современного русского православия / П. К. Курочкин. – М., 1971.
19. Митрохин, Л. Н. Баптизм / Л. Н. Митрохин. – М., 1974.
20. Молоков, В. А. Современное православие / В. А. Молоков, Р. П. Платонов. – Минск, 1966.
21. Москаленко, А. Т. Идеология и деятельность христианских сект / А. Т. Москаленко. – Новосибирск, 1978.
22. Покровский, В. В. О свободе совести / В. В. Покровский, А. И. Гагарин. – М., 1962.
23. Покровский, В. В. Православие и современность / В. В. Покровский. – Свердловск, 1967.
24. Розенбаум, Ю. А. Советское государство и церковь / Ю. А. Розенбаум. – М., 1985.
25. Рудинский, Ф. М. Свобода совести в СССР / Ф. М. Рудинский. – М., 1961.
26. Струве, Н. А. Гонения на церковь в советской России / Н. А. Струве // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 62-63, I. – 1961.
27. Струве, Н. А. Современное положение антирелигиозной пропаганды в СССР / Н. А. Струве // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 62-63, III-IV. – 1961.
28. Струве, Н. А. Церковь в Советской России / Н. А. Струве // Вестник РСХД. – Париж; Нью-Йорк. – № 64, I. – 1962.
29. Эзрин, Г. И. Государство и религия / Г. И. Эзрин. – М., 1974.
30. Ярким примером могут служить публикации: Одинцов, М. И. Церковь предпринимает маневры, чтобы обвенчаться с современностью, врасти в коммунизм // Исторический архив. – 2009. – № 4. – С. 60 – 82; Маслова, И. И. Свобода совести: быть или не быть? / И. И. Маслова // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 180 – 183; Маслова, И. И. Россия между Востоком и Западом: на пути к оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений / И. И. Маслова // Современное право. – 2010. – С. 159 – 160.